

В. С. РАХМАНИН

Диалог политических культур как демократический процесс

Мировой опыт все более явственно показывает фундаментальную особенность демократии, отличающую ее от иных социальных и политических систем. Эта особенность предполагает взаимодействие многообразных культур, при этом несовместима с унификацией, однообразием, монополией какой-либо одной из них. Речь идет не только о культуре вообще, как условии и коде общественного бытия человека, но и о политической культуре. Монополия любой политической культуры губительна для демократии. Но могут возразить: есть понятия «демократическая культура», «культура демократии». Разве они губительны для демократии? Нет, конечно. Культура демократии есть особый тип взаимодействия культур, а не монополия какой-либо из них. Она характеризуется толерантностью политических субъектов на принципах гуманизма, взаимной ответственности, императивом поиска эффективных взаимоприемлемых решений, межкультурным дискурсом. Вне многообразия культур и их взаимообогащающей коммуникации демократия не формируется и не существует. Онтологией культуры демократии является многообразие культур и их способность к взаимодействию.

Особую роль в функционировании демократии, ее стабильности и развитии выполняют межкультурные политические диалоги. В известном смысле, именно диалогам культур демократия обязана своим происхождением, генезисом, эволюцией и развитием. Публичная сфера политики — это прежде всего институализация политических диалогов, не только их легитимизация, но их обязательность, непреложность и, что не менее важно, явленность и дискурсивность. Культура политического закулисья и публичность в политике — это разные культуры общественного бытия и коммуникации власти. Уклонение от диалога в демократических системах воспринимается (и часто обоснованно) как признак недемократичности, закрытости структур власти или влиятельных лиц.

Движение к демократии или восхождение ее на новую ступень, ее консолидация всегда начинаются с диалога культур, которые имеют неоднородные ценностные структуры, статусы и ориентационные векторы, но при этом на-

ходятся в одной исторической ситуации и должны решать общие или схожие проблемы. Характер и направленность диалога при этом зависит от типов культур и их носителей, исторических обстоятельств и национальных традиций, свойств социальных и политических систем, идеологем и архетипов, доминирующих в общественном сознании.

Политическому диалогу нет демократической альтернативы. Конфронтация всегда таит в себе опасность эскалации насилия, предотвратить ее можно только через ответственный и продуктивный диалог культур, представителей социальных и политических групп. Между тем в российской истории XX века, к сожалению, было много случаев ухода от демократического диалога к насилию. Склонность к идеологическому противоборству и политическому противостоянию партий, общественно-политических объединений, различных группировок – характерная российская черта. Даже в 90-х годах основные участники социальных и политических конфликтов, прикрываясь лозунгом заботы о демократии, часто использовали силовые методы и манипулятивные технологии, уклонялись от диалога, что приводило к тяжким социальным последствиям и подрывало демократический процесс в стране. А.И. Пригожин трактует «конфликтность современной истории как дефицит диалогичности»¹. Дело, конечно, не в том, что дефицит диалогичности – источник конфликтности в современной России. Социальные и политические конфликты имеют свою онтологию. Но недостаточное стремление субъектов российского исторического процесса к диалогам обуславливает трансформацию конфликтов в конфронтационное противоборство и затрудняет поиск решения проблем в интересах всего общества.

Ресурсы диалогичности (институциональные, коммуникативные, интеллектуальные, психологические) – важный показатель цивилизованного социума, его способности к устойчивому демократическому развитию. При этом под диалогичностью понимается открытость социума (прежде всего его политических структур), его стремление к взаимодействию культур и их носителей, развитость дискурсивных технологий, коммуникативная толерантность. Диалогичность – это вместе с тем свойство, умение субъектов взаимодействия согласовывать свои интересы, обмениваясь ценностями своей культуры, своего видения ситуации и конструктивного решения общих проблем.

Демократические функции политического диалога многообразны и многомерны. Элементарно диалог – всегда обмен когнитивными комплексами (информация, знания о чем-либо), оценочными (мнения, суждения), конативными (желания, стремления, целеполагания, волевые интенции), прагматическими соображениями (способы действия, методы и ресурсы решения общей проблемы), прогностическими предположениями. В диалоге выявляются социокультурные свойства участников социального и политического взаимодействия (их специфика, схожесть, различия). В публичной сфере через диалог выявляются интересы и ориентация субъектов общественных отношений. Их диалоговая артикуляция представляет собой также и самоопределение этих субъектов, превращение их из «вещи в себе» в «вещь для

¹ Пригожин А.И. Диалогические решения // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 52.

себя» и, более того, *urbi et orbi*. Выявляются, фиксируются, корректируются позиции участников взаимодействия, их статус (объективный и субъективный) как субъектов общественных отношений, их намерения и реальные возможности действия. Одна из важнейших функций публичного диалога — открытое декларирование политических позиций².

В диалоге иногда видят способ воздействия оппонентов друг на друга с целью изменения позиций и даже политической культуры (характерная особенность диалога американских политиков в международных отношениях — стремление убедить, принудить оппонентов принять американский образ мышления). Однако не следует отождествлять политический диалог с полемикой, присущей идеологическому противоборству. В полемике стремятся монополизировать право на истину и тем самым одержать верх над оппонентом, заставить его изменить свою позицию, или замолчать, или впасть в суггестивный конформизм. Рождается ли при этом истина — другой вопрос. Один из основоположников теории дискурса, дискурсивной концепции власти М. Фуко подчеркивал: «Нет ничего более непрочного, чем политический режим, безразличный к истине; но нет ничего более опасного, чем политическая система, которая претендует на то, чтобы предписывать истину. Функция “говорить истинно” не должна принимать форму закона, точно так же было бы тщетно полагать, что она на законном основании проживает в спонтанных играх коммуникации»³.

Функция демократического диалога состоит в другом: в совместном поиске истины, наиболее эффективного решения проблем, освоении новых горизонтов социального и политического развития на основе обмена ценностями между взаимодействующими культурами и вместе с тем их взаимного обогащения. История двигалась бы более успешно в направлении демократии, если бы сторонники либерализма и социализма вели между собой не ожесточенную полемику, а демократический диалог... Но каждая из этих систем политического мышления стремится монополизировать право на истину, подавить друг друга, и, в конечном счете, проигрывает и одна сторона и другая.

Демократический диалог не является гарантией нахождения истины, эффективного решения общезначимых проблем, однако его эвристическая ценность, продуктивность неизмеримо выше культуры полемики, без которой тоже не обходится ни один виток истории. Демократический диалог позволяет провести публичную проверку ценности идей, концепций, позиций на их соответствие объективной реальности, на субъективную взаимоприемлемость и общезначимую конструктивность. Это обычно является трудной проблемой, особенно в конфликтных обстоятельствах и трансформациях. Частным проявлением и результатом этой функции является компромисс и, как следствие, консенсусное взаимодействие субъектов и активных участников социальных и политических процессов. Чем шире круг

² См. в этой связи: Зиновьев А.О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.

³ Фуко М. Забота об истине. Беседа с Франсуа Эвальдом // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 325–326.

социокультурных ценностей, на основе которых достигается компромисс, тем основательнее и продуктивнее консенсус.

Диалог является фактором и процедурой мобилизации социальных и политических сил, их демократической консолидации. Эффект зависит от коммуникативных способностей и ресурсов взаимодействующих сторон, от соответствия их диалоговых методов и жанров культуре и потребностям социальных слоев. В определенных социокультурных и психологических ситуациях, по меткому выражению американского литературного критика С. Фиша, «бессмысленно заботиться о том, чтобы быть правым, главное – быть интересным»⁴. Каждый участник диалогового публичного процесса стремится создать свое поле социального и политического тяготения, доверия и авторитета. Но если при этом одно поле противостоит другому, если эти поля не налагаются друг на друга, не взаимообогащаются, то продуктивность диалога становится проблематичной; он может трансформироваться в полемику и усилить расхождение позиций. Демократический диалог – способ сближения полей доверия, позиций активных участников публичного процесса, взаимозаинтересованного расширения социальной базы их взаимодействия.

Таким образом, диалог политических культур является коммуникативным фактором и механизмом демократии. Чаще всего его рассматривают как метод, инструмент предотвращения и урегулирования конфликтов. Но свои демократические функции он выявляет и в партнерских отношениях, стимулируя их конструктивную продуктивность.

Содержание, характер, направленность публичного диалога зависят от социального и политического времени, от свойств и состояний социума, от коммуникативной культуры и менталитета субъектов исторического действия. Демократический диалог политических культур – это не демонстрация благих намерений и эмоционального движения его участников друг к другу, а сложный коммуникативный процесс, в котором есть своя логика, этико-правовые и политические нормы, дискурсивные рамки и правила. Есть и свои подводные камни, трудности, коммуникативные ловушки. Соблюдение правил диалога – гарантия его продуктивности, хотя и не абсолютная. Невнимание к скрытым трудностям, противоречиям приводит к срыву диалога или негативным результатам.

Проблема диалога политических культур в современных условиях имеет особую теоретико-методологическую и практико-технологическую напряженность. Она усиливается включением в мировые политические процессы все новых культур, усложнением взаимодействия глобальных и национально-государственных факторов, конфликтным характером трансформаций, изменением иерархии жизненных ценностей и т.п. Усиливаются и экстремистские движения, которым органически чужда культура демократического диалога. Можно сказать, что многие события в политической жизни России и мира в целом в последние десятилетия нередко трудно объяснимы из-за теоретико-методологической непроработанности проблем диалога культур вообще, политических в особенности. Эти проблемы приводят к столкнове-

⁴ Цит. по: Панарин А.С. Испытание глобализмом. М.: ЭКСМО, 2003. С. 202.

ниям не только различных концепций, но и социально-политических практик и, образно говоря, порождают недоумение демократии. С одной стороны, государства и социумы становятся все более открытыми для диалога, а с другой стороны, демократия в современном мире не находит пока способов и методов преодоления конфронтации, насилия, национально-этнических конфликтов, склонности к геополитическому гегемонизму под флагом защиты демократии. Либеральные реформы в России не привели к полноценной демократии. Соблазны и тенденции авторитаризма (от старомодно-самовластного до модернизированного и просвещенного) «смущают» российский социум. Демократический диалог между государством и обществом, властью и оппозицией, капиталом и трудом подвергается манипулятивной экспансии постмодернистских политических технологий.

Эти технологии создают правдоподобие демократичности политических диалогов, будучи на самом деле методом увода дискурса от реальных проблем. Постмодернизм, разрывая культуру на тексты, фабрикует не диалог культур, а разноголосицу текстов. Тексты становятся политическим товаром, которым можно спекулировать, подвергая его различным интерпретациям. Поле дискурса деформируется. Большой шанс одержать верх имеют не те, кто глубже и адекватнее выражает общественные потребности, а те, кто умеет скрыть потребительскую стоимость товара под яркой рекламной упаковкой.

В чем состоят особенности демократического диалога культур в политической сфере, отличающие его как от авторитарной монологичности, так и от манипулятивной квазидемократичности? Прежде всего демократический диалог — это *равенство возможностей* его участников. Современная демократия не только выступает против угнетения меньшинств (социальных, этнических, конфессиональных и др.), но гарантирует их права на свободу слова и публичную презентацию своих позиций. Эти гарантии, конечно, не должны превращаться в потакание произволу меньшинств. Демократия — во взаимной социально-продуктивной толерантности большинства и меньшинства, взаимообеспечении их прав на открытый диалог, и эти гарантии должны быть обеспечены не только правовыми нормами, но и нормами дискурсивной этики.

В демократическом диалоге *артикулируются, презентифируются экзистенциальные проблемы, корневые и насущные интересы социальных, национально-этнических, политических и других общностей*. Это позволяет формировать позиции, степень адекватности которых объективной реальности зависит от понимания общностью своих интересов в сопоставлении с интересами других общностей. Интертекстуальная акцентированность в постмодернистском диалоге (фактически — полемике), в отличие от демократического, порождает зависимость суждений, мнений, позиций от того, какой текст культуры вбрасывается в коммуникативный процесс. Можно, например, вбросить тезис о сугубой опасности национал-социализма в России, и тогда политический диалог приобретет особую направленность и тональность, не имеющие в реальности достаточных оснований. Можно культуру радикал-либерализма (либертарианства) субъективно интерпретировать как либеральную демократию, представлять провал «Союза правых сил» и «Яблока» как пора-

жение демократии и чуть ли не как движение к полицейскому государству. Так и восприняли либертарианцы свое поражение на парламентских выборах 2003 года, то ли забыв, то ли не поняв, что их разрыв с демократией выявился еще на декабрьских выборах 1993 года, когда вопреки оптимистическим ожиданиям «Демократический выбор России» оказался на периферии электоральных предпочтений избирателей.

Демократический диалог строится на основе *рационального дискурса*, ориентированного на поиск взаимоприемлемых решений и подчиняющегося строгой логике. Рациональный дискурс не допускает подмены понятий, аффектированности, апелляции к бессознательному (различного рода фобиям, фантомным комплексам, иллюзорным ожиданиям и т. п.). Для него характерно стремление к полноте, всесторонности и достоверности информации. Чем основательнее информационно-когнитивная база диалога, тем он продуктивнее. Дезинформация, склонность кого-либо из участников к информационной закрытости или дезорганизации информационных отношений и когнитивных структур подрывают демократический диалог, порождают недоверие и взаимонепонимание акторов. Демократический диалог — это всегда обмен информацией, а не информационное господство одних участников над другими. Одностороннее или упрещающее владение информацией, невключенность каких-либо элементов ее в обмен дает преимущества какому-либо участнику. В конфликтных ситуациях информационное преимущество часто является решающим для подавления оппонента. В партнерских отношениях оно может подорвать доверие взаимодействующих сторон и сгенерировать конфликт. Проблема взаимообеспеченности информацией является одной из ключевых для участников демократического процесса, особенно в отношениях между политическим истеблишментом и населением.

Демократический межкультурный диалог строится, в отличие от авторитарной монологичности и полемики, на *дискурсивной этике*. Ю. Хабермас, который ввел это понятие, растворяет ее в общечеловеческой этике⁵, другие выделяют ее как особый тип этики. По мнению Дж. Коэн и Э. Арато, «дискурсивная этика отличается от всех других политических этик (доктрины естественных прав, утилитаризма, кантовской политической философии и даже последней версии теории общественного договора и неоаристотелизма) тем, что вытекающие из нее следствия концентрируются вокруг нормативной необходимости и эмпирической возможности демократизации гражданского общества»⁶. Дискурсивная этика предусматривает принцип рационального диалога на основе равенства и корректности, симметричной реципрокности с целью не только достижения взаимоприемлемых решений конфликтных или партнерских проблем, но и выхода на новый гуманистический уровень отношений. Это императивно предполагает взаимное консультирование, сопоставление позиций субъектов взаимодействия (и конфликтных и партнерских) с целью выяснения их реальной конструктивности, взаимоприемлемости, ориентированности на перспективу. Дискурсивная этика ориентирована на способность участников диалога понять

⁵ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.

друг друга и аутентично интерпретировать позиции. Использование конфликтогенов (понятиями, «ярлыками», действиями, обостряющими конфликт) подрывает возможность взаимопонимания.

В трансформационных процессах современной России взаимодействуют различные политические культуры. Типологизация их представляет большую методологическую трудность. При анализе диалога культур эти трудности усугубляются. Еще в начале 60-х годов Г. Алмонд и С. Верба предложили выделять в гражданском обществе три типа основных политических культур: патриархальную (приходскую), подданическую, активистскую (партиципаторную)⁷. Эта схема широко используется при исследовании политических культур и стала хрестоматийной. Однако в нашем случае она малоприменима. Во-первых, в российском политическом диалоге участвуют не все культуры, а только те, что обладают определенной активностью и так или иначе артикулируют и представляют себя в публичной сфере. Во-вторых, в переходных процессах целесообразнее типологизировать политические культуры не по формально-поведенческим критериям, а по интенционально-смысловому, а также по субъектам-носителям. К тому же, российский трансформирующийся социум находится на начальной стадии структурирования и стратификации политической культуры. Далеко не завершился бурный процесс партийно-политического структурирования. Многие участники политической жизни меняют свои позиции, ценностные ориентации, способы поведения. Предлагаемый переход к пропорциональной системе выборов в корне изменит культуру электорального поведения и избирателей, и партий, и структур власти. Интенционально-смысловой критерий предполагает типологизацию политических культур в современной России по их доминантным идеям, ценностям, которые они акцентируют в диалоге, стремясь придать им смыслообразующую роль в трансформационных процессах. По этому критерию можно выделить:

- радикал-либеральную (либертарианскую) культуру; она долго доминировала, но в последние годы теряет позиции, хотя и сохраняет их в некоторых структурах власти и ищет пути своего обновления;
- либерально-демократическую; она долгое время манипулятивно отождествлялась с радикально-либеральной (либертарианской); в последнее время идет трудный процесс их дифференциации в результате провала либертарианских претензий обеспечить эффективные демократические реформы; ее ценностные ориентиры: социальное и правовое государство, социальная стабильность на основе экономического подъема и жизненного благополучия народа;
- народно-патриотическую, ориентированную на возрождение России как самобытного государства, на восстановление ее активной роли в международных отношениях, на классическое понимание демократии как власти народа и в интересах народа;
- социалистическую, существующую в нескольких вариантах: от ностальгии по советскому социализму до обновленческих идей («новый социализм»);

⁶ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 521.

⁷ См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture. N.Y., 1963.

социал-демократический ее вариант выражен слабо, хотя наблюдались неоднократные попытки его организационного оформления;

- коммунистическую фундаменталистскую, обусловленную глубокой иррациональной верой в коммунизм.

Можно по интенационально-смысловому критерию выделить и иные типы политических культур, участвующих в диалоге. Но отмеченные представляются нам основными, наиболее активными. Именно они определяют современный политический дискурс о смысле происходящего в России, характере и направленности реформ и трансформационных процессов, перспективах России и проблемах человека. В общем, взаимодействуют и вступают в диалог различные по социальной ориентации, аксиологическим установкам и мировоззренческим парадигмам политические культуры: демократические и авторитарные, радикал-либеральные (либертарианские) и социалистические, традиционные и постмодернистские, светские и религиозно-конфессиональные, национал-патриотические и западнические, реформаторские и революционные, конформистские и неконформистские, конструктивные и деконструктивные и т.д. В реальной практике они так перемешаны, что идентификационные признаки их часто размыты, переменчивы и даже теряются в межкультурном взаимодействии. Далеко не всегда и не все они четко идеологически артикулированы. Еще во второй половине 1990-х годов Т.И. Кутковец и И.М. Клямкин отметили: «Страна политически расколота, но раскол этот никем идеологически не выражен»⁸.

Проблемные линии и векторы политического диалога за два десятка лет часто менялись и каждый раз формировали ситуативные поля дискурса. Однако выявлялось и нечто устойчивое, в той или иной мере отражающее реальные проблемы России. К устойчивой проблематике диалога прежде всего можно отнести:

- социальный смысл реформ, их содержание, целевые ориентации, методы, последствия;
- уровень и качество жизни основных социальных слоев;
- государство и гражданское общество, государственное строительство и формирование гражданского общества;
- национально-этнические отношения;
- права и свободы человека; конституционные нормы и реальность;
- государство и бизнес, роль бизнеса в трансформационных процессах;
- власть и оппозиция;
- президент и народ;
- международный статус России и ее роль в мировой политике.

Вся эта проблематика конфликтостенна и по онтологии трансформационных процессов, и по глубине расхождений интересов активных участников и субъектов социально-политической жизни, и по их социокультурной разнородности и политической акцентированности.

Далеко не всегда взаимодействие культур отвечает нормам и принципам демократического диалога, рационального дискурса и дискурсивной этике даже в тех странах, которые издавна являются демократическими. В то же

⁷ Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Русские идеи. Полис. 1997. № 2. С. 17.

время в России уже определились основные институциональные и процедурные условия демократического диалога, накоплен некоторый опыт – и позитивный, и негативный – публичной политики и открытого дискурса, усиливаются, хотя и недостаточно, ресурсы общественного мнения в его взаимодействии со структурами власти. Однако многое препятствует демократическому диалогу: и устойчивые традиции авторитарности, и идеологизированная амбициозность немалой части политической элиты, и несоответствие политических культур (от традиционалистских до постмодернистских) демократическим нормам и ценностям, и низкая коммуникативность многих участников социальной и политической жизни, и слабая самоопределенность гражданского общества, и многое другое. Коррупционность структур власти, бюрократизация их на всех уровнях, манипулятивные политические технологии – особые механизмы подрыва демократического диалога или его деформации. Специфическими субъектами, не заинтересованными в демократическом диалоге, как и в демократии в целом, являются олигархический капитал и бюрократия, которым проще решать проблемы методами закулисных сделок.

Особую роль играют СМИ. В принципе, они являются незаменимым участником демократического диалога, его организации, механизмом публичной артикуляции суждений, мнений представителей разных культур и социально-политической ориентации. И СМИ многое делают в этом отношении, однако ангажированность многих из них, коррупционные связи с бизнес-структурами, «партиями власти» отнюдь не способствуют ни демократическому диалогу, ни беспристрастности общественного мнения.

В современных условиях выделяются несколько типов диалога политических культур.

1. *Социально-партнерский*. Его участники (партнеры) заинтересованы в совместном решении проблем. Им присуща взаимная ответственность, равные взаимные обязательства, реципрокность в обмене информацией, услугами, ценностями, социальная и политическая эмпатия.

2. *Социально-толерантный*. Его участники находятся на разных позициях, сближение которых или невозможно, или нежелательно. Но каждый из них признает право другого на самостоятельность, самодостаточность; они не стремятся к взаимному подавлению. Диалог этого типа может привести к усилению демократических качеств взаимодействующих культур и не дестабилизирует состояние социума.

3. *Оппозиционный диалог* близок ко второму. Однако оппозиционность не означает признание позиции другого приемлемой или неизбежной: эта позиция подвергается критике, ей противопоставляется альтернатива. Оппозиционность – один из существенных идентификационных признаков демократии.

4. Манипулятивный диалог. Его участники стремятся навязать друг другу свои позиции, скрывая истинные цели и намерения. Честное состязание политических культур подменяется изощренными PR-технологиями, ориентированными на то, чтобы запутать оппонента, перехитрить его, внушить ему свои взгляды, суждения, ориентации, позиции.

Иногда выделяют как особый тип конфронтационный диалог, но конфронтация не столько диалог, сколько идеологическое и политическое противоборство, отличающееся взаимным неприятием позиций его участников, стремление к подавлению, и при этом возникает опасность насилия. Предотвратить конфронтацию или выйти из нее можно только через демократический диалог.

В публичной сфере России в той или иной мере наблюдаются все эти типы диалога и конфронтационное противоборство. Они на практике переплетаются. И хотя конфронтационность в последние годы несколько ослабла (говорить о тенденции, пожалуй, не следует), нельзя не обратить внимание на интенсификацию и легитимизацию диалога манипулятивного типа. Он представляет ныне главную опасность на пути к демократии, порождает уродливые формы эрзац-публичности. Социально-партнерский, социально-толерантный, оппозиционный типы, продуктивные сами по себе, нуждаются в постоянном культивировании как в обществе, так и в особенности в государственных структурах. Диалог культур на основе демократических принципов рационального дискурса и дискурсивной этики является важнейшим фактором движения к демократии и превращения ее норм и ценностей в императив поведения общества и государства.